

Клабунд (1890–1928)

Умиравший солдат

Дня и ночи больше нет. Канули, словно парусники, за морской горизонт. Я перестал понимать, где день, а где ночь. Где солнце, а где серое воронье сумерек. Где круги ада, а где райские сферы. Мы идем. Мы идем днем. Мы идем ночью. Мы спим ночью. Мы спим днем. Мы стреляем днем и ночью. Оглядываясь назад, я вижу перед собой лишь розово-черную стену времени. Нет дней. Нет ночей. Нет месяцев. Нет лет. Только кровоточащее поле, кровавокрасная пашня, из которой, словно белые цветы, тянутся к небу наши тела. Небо святой водой окропляет мои глаза. Я бы хотел цвести вечно. Изящной лилией. Ирисом. Никогда еще у меня не было такой сильной веры в себя. Я рукой могу остановить летящую гранату. Я жажду. Воды. Огня. Я хочу глотать огонь, как факир. Моя лошадь мертва. Она лежит где-то тут сбоку или подо мной. И на ком же мне теперь скакать? В ад я поеду на мертвом английском скакуне. Но моя Лили противится. Она поймала меня за руку – я ведь слепой – и мы идем на поиски неба. «Лили, – говорю я, – здесь пахнет фиалкой, здесь небо». Она отпускает мою руку. Я больше не вижу ее. Там, впереди, другая рука. Горящая рука. Рука, черная от копоти. Она хватается крытый дранкой дом. И моментально превращается в рот. Она жрет дом. Жует его. Знал бы вахмистр, что я тут разлежся во время переклички. «Улан Бубенрейтер, – выкрикивает он. – Улан Бубенрейтер?.. – в ответ молчание. – Улан Бубенрейтер отсутствует...». Я хочу пить. Я хочу чего-нибудь попить. Чего-нибудь горячего. Мне холодно. Горячего чаю. Мне делается смешно, когда я вспоминаю польских евреев, вечно продававших нам чай: «Давайте денежку, господин, получайте горячий тэ...» У них нет родины. Ни у кого нет родины. Только у смерти. У нее родина повсюду. Где тот маленький город, в котором я родился? Где узкие улицы скосбочились и сгорбились от старости. Где девушки катаются на коньках. Где горожане с важными лицами спешат по делам, на собрание или пропустить стаканчик. Где Одер шумит подо льдом. Где в лучах зимнего солнца сверкает фиалковым и зеленым патина на башне Мариенкирхе. Должно быть, кто-то умер: пономарь звонит в колокола. Помашу тихонько пикой. Может, он меня и увидит.